

ЮЛИЙ ДАНИЭЛЬ

СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

СЕРИЯ «ВИВЛИОТЕКА САМИЗДАТА»: № 3

1971
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

Юлий Даниэль

СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА»

1. Павел Литвинов — ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ
2. Андрей Амальрик — СТАТЬИ И ПИСЬМА
3. Юлий Даниэль — СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

ЮЛИЙ ДАНИЭЛЬ

СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА»: № 3

1971
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

©

Copyright 1971

In the USSR: Yuly Daniel

In all other countries:

THE ALEXANDER HERZEN FOUNDATION

Amstel 268, Amsterdam, Holland.

Юлий Даниэль, род. 15.11.25 в Москве, сын еврейского писателя Марка Даниэля. В 1943-44 г. воевал на фронте, инвалид войны. Окончил филологический факультет Московского областного пединститута, преподавал в школе. Переводил поэзию и опубликовал много переводов. Писал прозу. Его повесть «Бегство» издана «Детгизом», но запрещена к продаже. Повести «Руки», «Человек из Минапа», «Говорит Москва», «Искушение» опубликованы на Западе под псевдонимом Николай Аржак. 12.9.65 был арестован и приговорен широко известным судом над ним и А. Синявским к 5 годам концлагеря строгого режима. До 12.9.70 находился в заключении в тюрьмах и концлагерях. Там им написаны стихи и поэма, вошедшие в этот сборник. Текст печатается по самиздатским спискам стихов, полученным из СССР.

*Printed in the United Kingdom for the
Alexander Herzen Foundation by
Multilingual Printing Services,
200, Liverpool Rd., London, N1 1LF*

Часть I

СТИХИ

ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ

* * *

Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги заплачу к январю.
Я не буду хитрить и скулить, о пощаде моля,
Это зрелость пришла и пора оплатить векселя.

Непутевый, хмельной, захлебнувшийся плотью
земной,
Я трепался и врал, чтобы вы оставались со мной.
Как я мало дарил! И как много я принял даров
Под неверный, под зыбкий, под мой рассыпавшийся
кров.

Я словами умел и убить и влюбить наповал,
И, теряя прицел, я себя самого убивал.
Но благая судьба сочинила счастливый конец:
Я достоин теперь ваших мыслей и ваших сердец.

И меня к вам влечет, как бумагу влечет к янтарию.
Вспоминайте меня — я вам всем по строке подарю.
По неловкой, по горькой, тоскою пропахшей строке,
Чтоб любили меня, когда буду от вас вдалеке.

СТИХИ С ЭПИГРАФОМ

- *А зачем вам карандаш?*
- *Писать стихи.*
- *Какие стихи?*
- *Не беспокойтесь, лирику.*
- *Про любовь?*
- *Может, и про любовь...*

Да, про любовь, — наперекор «глазку»,
Что день и ночь таращится из двери,
Да, про любовь, про ревность, про тоску,
Про поиски, свершенья и потери.

Да, про любовь — среди казенных стен
Зеленых, с отраженным желтым светом,
Да, про нее, до исступленья, с тем,
Чтоб никогда не забывать об этом:

О дрожи душ, благоговеньи тел,
О причащеньи счастьем и утрате;
Я про любовь всю жизнь писать хотел
И лишь теперь коснулся благодати.

Да, про нее! Всему наперекор,
Писать про суть, сдирая позолоту;
Им кажется, что взяли на прикол,
А я к тебе — сквозь стены, напрямиком,
Мне до тебя одна секунда лёту.

Мне всё твердит: «Молчи, забудь, учись
Смирению, любовник обнищальный!»
А я целую клавиши ключиц
И слушаю аккорды обещаний.

Я твой, я твой, до сердцевины, весь,
И я готов года и версты мерить.
Я жду тебя. Ну где же, как не здесь,
Тебя любить и что любим поверить?

ПЕСЕНКА

За неделю неделя
Таёт в дыме сигарет,
В этом странном заведении
Всё как будто сон и бред.

Птицы бродят по карнизам
И в замках поют ключи,
Нереальный мир пронизан
Грубым запахом мочи.

Тут не гасят свет ночами,
Тут неярк свет дневной,
Тут молчанье, как начальник,
Утвердилось надо мной.

Задыхайся от безделья,
Колотись об стенку лбом!
За неделю неделя
Таёт в дыме голубом.

Тут без усталости считают,
Много ли осталось дней,
Тут, безумствуя, мечтают
Всё о ней, о ней, о ней.

Тут стучат шаги конвоя —
Или это сердца стук?
Тут не знаешь, как на воле —
Кто твой враг и кто твой друг.

Это злое свиденье,
Пустота меж «да» и «нет» . . .
За неделю неделя
Таёт в дыме сигарет,
Таёт
В дыме . . .

ДОМ

В окно я глянул и увидел дом.
Обычный дом — немислимое чудо:
Он был семи — или восьмизэтажный,
И в первом этаже был магазин,
А выше были окна без решеток,
И каждое окно освещено
Своим особым светом, непохожим
На свет соседних. Это оттого,
Что там на окнах были занавески
И были шторы — словом, было то,
Чем люди отгораживаться вправе
От посторонних взглядов. Я, однако,
Сумел глазами памяти увидеть,
Узнать лицо потерянного рая:
Там были стулья и цветы на окнах,
Когда-то презиравшиеся мною
Цветы в горшках, зеленые божки,
С которых пыль стирают по субботам;
Там лампы в потолки не уходили,
Не прятались за мутным плексигласом,
А рдели в кринолинах абажуров,
Собой венчали шаткие торшеры,
Со стен свисали . . . Там на книжных полках
Лежали неожиданные вещи:
Шнурки от тувель, бильярдный шарик,
Чулок с иглой в штопке, позабытый
Из-за гостей, нагрянувших врасплох;
Еще рецепт — его уже с неделю
Никто никак не может отыскать . . .
Там были скатерти, на них ножи и вилки —
Орава режущих и колющих предметов . . .
Там, в этом доме, было много женщин —
Не медсестер и не стенографисток,
А просто женщин. В платьицах домашних

Они, сколовши волосы небрежно
И рукава по локоть засучив,
Купали в новых ванночках младенцев,
Со лба к затылку отгоняя воду,
Чтоб мыльной пене в глазки не попасть;
И отблеск розовых мелькающих локтей
Ложился сполохом на сердце, обещая
Округлое и теплое свершеньё
Потом, когда погаснет в доме свет . . .
Да, я забыл сказать, что по фасаду
На доме было множество балконов,
Где стыли на ветру велосипеды
И в сети гамаков шли косяками
Проворные снежинки . . . Дом трещал —
Его неудержимо распирало,
Давило изнутри избытком жизни!
В нем жило все — от шпильки головной,
От кошки и собаки до нескладных
Подростков с неуклюжими руками,
Украдкой сочиняющих стихи.
И алые частицы этой жизни
Сквозь кладку стен, как запах, проходили,
Летели сквозь зашторенные окна
Ко мне, ко мне, к откинутой фрамуге
Окна, перед которым я стоял,
На стол взобравшись. Целых полминуты
Я прикасался к человеческой жизни.
Потом я прыгнул на пол. Вот и всё.
. . . Я знаю, что неловки эти строки,
Что мой товарищ глянет неподкупно,
Серьезно покачает головой
И скажет мне: «А что как это проза,
Да и плохая?» — «Да, скажу я, — да!
Плохая проза. Хуже не бывает . . .»

ДРУЗЬЯМ

Была щедра не в меру божья милость.
Я был богат. Не проходило дня,
Чтоб манною небесной не валилось
Сочувствие людское на меня.

Я подставлял изнеженные горсти,
Я усмехался: «Господу хвала!»,
Когда входили караваном гости
С бесценным грузом света и тепла.

Но только здесь сумел уразуметь я —
От ваших рук, от ваших глаз вдали —
Что в страшное, ненастное трехлетье
Лишь вы меня от гибели спасли.

Нет, не единым хлебом люди живы!
Вы помогли мне выиграть бои,
Вы кровь и жизнь в мои вливали жилы,
О, лекари, о, доноры мои!

Всё кончено. Сейчас мне очень плохо.
Кружится надо мною непокой.
Кому вздохнуть: «Моя ты суматоха . . .»
И лба коснуться теплою рукой?

Всё кончено. Не скоро воля будет,
Да и надежда теплится едва.
Но в тишине опустошенных буден
Вы превратились в звуки и слова.

Вы, светлые, в тюремные тетради
Вошли, пройдя подспудные пути.
Вас во плоти я должен был утратить,
Чтоб в ритмах и созвучьях обрести.

Вы здесь, со мной, вседневно, ежечасно,
Прощеньем, отпущением грехов:
Ведь в мире всё покорно и подвластно
Божественной невнятице стихов . . .

ПЕСНЯ

«На беленьком камушке сидючи . . .»

Что-то скучно мне без воли,
Что-то дни идут впустую,
Сочинить бы песню, что ли,
Немудреную, простую.

Сочинить про то, что снится, —
Прикоснуться б, как руками, —
Про бегучую водицу
Да про бел-горючий камень.

Как на камушке сидела,
Воду в горсти наливала,
На три стороны глядела,
Напевала-колдовала.

Глянет влево — словно рядом
Бубны бьют, поют колеса,
И цыганка томным взглядом
В сердце мне глядит раскосо.

Глянет вправо — жаркой сказкой
Зной взыграет над дорогой,
Над девчонкою кавказской,
Над дикаркой длинноногой.

Глянет прямо — обернется
Королевишной далекой,
А кому подстать бороться
С белокурой, синеокой?

Как на камушке сидела,
По воде ладошкой била,
На три стороны глядела,
Про четвертую забыла.

Обернись ко мне собою,
Обернись ко мне самою,
Обернись ко мне судьбою —
Я тоску свою омою.

Маяту и опасенья
Поцелуями уйму я,
Нам обоим во спасенье
С камушка тебя сниму я.

МОЛИТВА

Я охвачен тихою паникой,
Я вступаю с Богом в торги,
Наперед обещаю быть паинькой
И шепчу Ему: «Помоги!»

Обещаю грешить не часто,
Пить помалу и спать с одной —
«Отжени от меня несчастье,
Схорони за своей спиной,

Теплым ветром ударь об окна
И вручи мне незримый щит!»

Я молю о защите,
А Бог-то —
Он ведь тоже не лыком шит.

Вспоминает он досконально
Всю мою непутевую жизнь
И в ответ громыкает: «Каналья!
Не кощунствуй и не божись!»

Видно, знает вернее, чем следствие,
Что меня не отмыть добела,
Что навряд ли придут в соответствие
Обещанья мои и дела . . .

ЕЩЕ ОДНА ПЕСЕНКА

То ли была, то ли небыль
Из веселого сна?
Я в сражениях не был
И не пил я вина,

Не был пулею мечен,
И стихов не писал,
Не глядел я на женщин,
Не ласкал, не бросал;

Безрассудство не славил,
Дни за днями губя,
И на карту не ставил
Ни других, ни себя;

Не плясал неукложе,
На ветру не дрожал,
В подмосковные стужи
По лыжне не бежал;

За друзей не ручался
И влюбляться не смел,
На волнах не качался,
Песни петь не умел.

И в апрельскую сырость
Не плутал по земле —
Это всё мне приснилось
В зарешеченной мгле . . .

НОВОГОДНИЙ МАРШ-ДЕКЛАРАЦИЯ

Когда вверх тормашками катится
И бьется в падучей судьба,
Не надо молиться и каяться,
Бояться сумы и суда.

Оглядывай пристальней прошлое,
Без лести оценивай дни,
Окурки иллюзий — подошвою!
А светлому — грудь распахни:

Не сдайся бессилью и горечи,
Не дайся неверью и лжи —
Не все лизоблюды и сволочи,
Не все стукачи и ханжи.

Шагая дорогами чуждыми
В какой-то неведомый край,
Друзей имена, как жемчужины,
Как четки перебирай.

Будь зорким, веселым и яростным
И выстоишь, выстоишь ты
Под грузом невзгод многоярусным,
Под ношей твоей правоты.

* * *

А может лучшая победа . . . (Цветаева)
Я стал умен . . . (Пушкин)

А вдруг вот так приходит зрелость,
Когда впотьмах спасенья ищем:
«Мне автором прослыть хотелось . . .» —
Твердит испуганный Радищев.

Когда на торную дорогу
Впотьмах бредем, себя жалея:
«Земля недвижна . . . грешен Богу . . .» —
Петляет голос Галилея.

А вдруг вот так приходит смелость —
Хитрить, не труся непочета:
Ведь то, что как-то раз пропелось,
Уже не спишется со счета.

А вдруг разумна Божья милость:
Мы все в ничто пустое канем,
Но то, что как-то воплотилось,
Не зачеркнется поканьем!

. . . Но вспоминая в час вечерний
Про всё про то, что днем сказали, —
Как жить нам после отречений?
Какими нам истечь слезами?

Что думать жесткими ночами
О сбереженной нами жизни,
Когда страницы за плечами
В немой застыли укоризне?

1965 ГОД

А что мне с вашей томной негой,
Когда от бешеной тоски:
— Дружок мой, за бутылкой сбегай,
Обмоем новые носки.

А что мне ваши ахи, охи,
Рулады светских Лорелей?
— Дела, дружок мой, очень плохи,
А ну-ка новую налей.

Я бесконечным ожиданьем
Как труп щетиною оброс . . .
— Давай еще одну раздавим,
Обмоем пачку папирос.

Моей тоске еврейско-русской
Сродни и водка, и кровать . . .
Да хрен с ней, с этою закуской,
Пора остатки допивать.

Пора допить остатки смеха,
Допить измены, страсть и труд!
— Хана, дружок мой. Я приехал.
Пускай войдут и заберут.

Дожди, дожди коснулись щек,
Грустя, деревья порыжели
И был открыт никчемный счет
Моих побед и поражений.

Струилась осень. День за днем
Линяла летняя палитра,
А я всю игру с огнем
И тайно жаждал опалиться.

Не потому, что я шальной,
Роптал перед глухой стеною —
Я преступил закон иной,
Я виноват иной виною.

И не за то, что я кричал,
Меня, сойдясь, осудят судьи —
За то, что на свою печаль,
Как пластырь, клал чужие судьбы,

За то, что я, сойдя с ума,
Не пощадил чужого сердца.
А суд, законы и тюрьма —
Всего лишь кнут, всего лишь средство

Возмездия за тайный грех,
За то, что, убивая — выжил . . .
И вот зима. И страшен снег,
Запятнанный капелью рыжей.

НА РИНГЕ

Я вышел, боксом не владея,
Рискнув удачливой судьбой.
Не звал ни Бога, ни людей я —
И проиграл до боя бой.

Толпа — грохочущая прорва,
Перчатки — парюю гранат . . .
Удар! Я смят, отброшен, взорван
И спину мне обжег канат.

Удар! Бесстрастно смотрят судьи,
Как дышит голая душа,
Как до моей до тайной сути
Добрался мастер неспеша.

Он — бог. Его движенья четки,
Как протоколы — без прикрас,
И ставят черные перчатки
Удары — точки после фраз.

Мне от беды не отвертеться,
Меня везде достанет плеть,
А всё ж не будет полотенце
У ног, постыдное, белеть!

Я жду: сейчас меня накажут
За дерзость и за простоту.
Ну что же — бей! Пускай нокаут
Под схваткой подведет черту.

Я поражение любое
Приму, зажав зубами крик, —
Не для победы, а для боя
Я шел на ринг.

И ЕЩЕ О ДРУЗЬЯХ

Мы выстроились все в одну шеренгу,
Готовые к походу и параду.
— На правом фланге! Застегни ширинку!
На левом фланге! Оботри помаду . . .

Друг друга мы, любя, глазами ели,
Глядели браво, преданно и гордо,
И я подумал, что и в самом деле
Мы все — непобедимая когорта.

Идет начальство, шествует вдоль строя . . .
И всё, казалось, было б тихо-мирно,
Да вот беда: из строя вышли трое
И доложили, став по стойке «смирно».

— Товарищ наш, — они сказали, — бяка,
Он вольнодум, он — враг Верховной воли,
Он кашу ест, как все мы, но однако
Он говорит, что в каше мало соли.

И весь парад накрылся в одночасье.
Сказали мне: «В семье не быть уроду!»
Я получил по шее от начальства
И послан был в штрафную роту.

РОМАНС О РОДИНЕ

Страна моя, скажи мне хоть словечко!
Перед тобой душа моя чиста.
Неужто так — бесстыдно и навечно
Тебя со мной разделит клевета?

Свои мечты сбивая в кровь о камни,
Я шел к тебе сквозь жар и холода,
Я шел тобой. Я шел, и на глаза мне
Как слезы, наплывали города.

Я не таю ни помысла дурного,
Ни сожалений о своей судьбе.
Страна моя, ну вымолви хоть слово,
Ведь знаешь ты, что я не лгал тебе.

Ведь не бросал влюбленность на весы я
И страсть мою на доли не дробил —
Я так любил тебя, моя Россия,
Как, может быть, и женщин не любил.

Чтоб никогда не сетовал на долю,
Чтоб не упал под тяжестью креста,
Страна моя, коснись меня ладонью —
Перед тобой душа моя чиста.

ПРО ЭТИ СТИХИ

Мои стихи — как пасмурные дни,
В них нету зноя,
Совсем не мной написаны они.
А может, мною?

Они грустят у запертых дверей,
У синих коек
И пафос их не стоит лагерей.
А может, стоит?

Им не уйти, не скрыться нипочем
От этих буден,
Их петь не будет Лешка Пугачев.
А может, будет?

Им не прорвать, не смять железный круг,
Их уничтожат,
Их прочитать не сможет милый друг.
А может, сможет?

Они в ночи не принесут врагам
Зубовный скрежет
И подлецу не врежут по мозгам.
А может, врежут?

ФЕВРАЛЬ

А за окном такая благодать,
Такое небо — детское, весеннее,
Что, кажется, мне нечего и ждать
Другого утешенья и спасения.

Забыто зло, которое вчера
Горланило и души нам коверкало.
Ну, милые, ну, женщины, пора
Взглянуть в окно, как вы глядите в зеркало.

Уже плывет снегов седая шерсть
И, словно серьги, с окон виснут каплищи.
Еще чуть-чуть — и всем вам хорошетъ,
Сиять глазам, платкам спускаться на плечи.

Еще чуть-чуть — и вам ночей не спать,
Мечтать вздох и все дела откладывать.
На улице года помчатся вспять
И у прохожих будет дух захватывать.

(А в этот миг умолкнет перестук,
Собрав мешок, на полустанке выйду я,
За тыщу верст учую красоту
И улыбнусь, ревнуя и завидуя.)

А вас весна до самого нутра
Проймет словами нежными и грубыми.
Ну, милые, — пора, пора
Расстаться вам с печальями и с шубами.

ПРИГОВОР

Да не посмеешь думать о своем,
Вздыхать о доме и гнушаться пищей:
Ты — объектив, ты — лист бумаги писчей,
Ты брошен сетью в этот водоем.

Чужие скорби грусть твоя вберет,
Умножит годы лагерная старость,
И лягут грузом на твою усталость
Чужие сроки северных широт.

Пускай твоя саднящая мозоль
Напоминает о чужих увечьях.
Ты захлебнулся в судьбах человеческих —
Твоей судьбой теперь да будет боль.

Да будешь ты вседневно грань стирать
Меж легким «я» и многотонным «все мы»
И за других, чьи смерти были немы,
Да будешь ты вседневно умирать.

Да будет солона твоя вода,
И горек хлеб, и сны не станут сниться,
Пока вокруг ты видишь эти лица
И в черных робах мается беда.

.

Я приговору отвечаю:

— ДА.

ЧАСОВОЙ

Памяти самоубийц

1

А пожалуй, пора заступиться
За «героя» вчерашнего дня:
Нет, не робот, не мрачный тупица
Охраняет людей от меня.

Не палач, не дурак обозленный,
Не убийца, влюбленный в свинец,
А тщедушный, очкастый, зеленый
В сапогах и пилотке юнец.

Эй, на вышке! Мальчишка на вышке!
Как с тобою случилась беда?
Ты ж заглядывал в добрые книжки
Перед тем, как пригнали сюда.

Это ж дело хорошего вкуса:
Отвергать откровенное зло.
Слушай, парень, с какого ты курса?
Как на вышку тебя занесло?

А если я на проволоку? Если
Я на «запретку»? Если захочу,
Чтоб вы пропали, сгинули, исчезли?
Тебе услуга будет по плечу?

Решайся, ну! Тебе ведь тоже тошно
В Мордовской Богом проклятой дыре.
Ведь ты получишь отпуск — это точно,
В Москву поедешь — к маме и сестре.

Ты, меломан, не рассуждай о смерти —
Вот «Реквием» . . . билеты в Малый зал . . .
Ты кровь мою омоешь на концерте,
Ты добро глянешь в девичьи глаза,

И с ней вдвоем, пловцами, челноками,
К манежу — вниз, по тротуару — вниз . . .
И ты не вспомнишь, как я вверх ногами
На проволоке нотою повис.

Я весь разговор этот выдумал —
Не выдумал самоубийства,
Их выудил, выдавил, выдоил —
И пью, и не в силах напиться.

Ну, чем отвечать? Матюками ли,
Ножом ли, поджогом? Пустое!
Расправы в бессмыслицу канули.
Одно только слово простое,

Настойчивое, как пословица,
Захлебывается и молит:
— О, Боже, не дай мне озлобиться!
Спаси — не обрушивай молот! . .

. . . Ну, ладно. Мне долго до вечера,
Я взыскан полуденным светом.
Но глянет ли снова доверчиво
Вот этот? Вот этот? Вот этот?

О нем, забываемом начисто,
На картах давно не гадали.
Он — здешний. Он в людях не значится
Годами, годами, годами.

Обида — пустыня бескрайняя . . .
И зря прозвучит мое слово,
Когда, озверев от бесправия,
Он бросится на часового.

Тих барак с первомайским плакатом.
Небо низкое в серых клочках.
Озаренный мордовским закатом,
Сторожит нас мальчишка в очках.

* * *

А нужно ль былого чураться,
Пускать прожитое на слом,
Позиции и декларации
Выдумывать задним числом?

Придумывать громкие фразы
Для будущих мраморных плит —
Что, мол, от рождения, сразу
Ты был из металла отлит?

И чваниться напропалую,
И лавры, кичась, пожинать,
И всю беззаботность былую
Предательски не вспоминать?

Не стоит в бессмертье стучаться;
Другие, быть может, словчат —
Тебя ж уличат домочадцы,
Друзья тебя изобличат:

Расскажут забавную повесть,
Отыщут простые слова —
Что жил ни к чему не готовясь,
Как дерево и как трава,

Которые пахнут и вянут,
И знать не хотят наперед,
Что пилы и косы нагрянут,
Обступят, возьмут в оборот . . .

Невместно полену и сену
Казаться иными, чем все,
Пойти на такую измену —
Забывать о земле и росе . . .

«Где он, мой конь?»

Уже на небе гремит посуда,
И скоро грянет жестокий пир,
А наши кони еще пасутся,
А наши кони еще в степи.

Они бессмертны — вовек хвала им!
И мы ведь помним дорогу к ним,
Мы зануздаем и заседлаем
И, эх, как двинем под проливным.

Тебя облепит намокшим платьем,
О, амазонка, гони за мной!
А кони мчатся, и наплевать им
На тьму и ругань, на дождь и зной.
Ведь наши кони — веселой масти,
Зеленой, рыжей и голубой,
И подковал их веселый мастер
Для бурь, для бега, для нас с тобой.

И мы дождемся большого солнца,
Большого мира во всей красе;
Таун гривастый еще пасется,
Плывут копыта в ночной росе.

У ВАХТЫ

Мы идем мимо плачущих женщин,
Мы идем, мы шагаем в молчаньи,
Мы не смеем сказать им ни слова,
Мы не можем махнуть им рукой,
Мы идем, а у них за плечами —
Рюкзаки с табаком и харчами,
Рюкзаки с нерастроченной страстью,
Рюкзаки с многолетней тоской.

Ох, и тяжело, наверно, им было
По грошу собирать на билеты,
По куску собирать передачи
Для своих непутевых солдат.
И как слезы, роняя монеты,
Покупать, прикупать сигареты,
И везти, и нести наудачу,
И слышать: «Везите назад!»

И привыкшие тут по-дикарски
О любви толковать обнаженно,
Мы проходим смиренно и тихо
Без подначки и без матерка,
Потому что мы тут не пижоны,
Потому что усталые жены —
Не дешевки, не шлюхи, не бабы,
А названные сестры зека.

Мы идем, простаки и поэты,
Променявшие волю и семьи,
Променявшие женские ласки
На слова, на мечты и на сны;
Только что же нам делать, что все мы
На крови создаем поэмы?
Уж такие мужья вам достались —
Вы простить нас, наверно, должны . . .

НА БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ

Да будет ведомо всем,
Кто
Я
Есть:
Рост — 177;
Вес — 66;
Руки мои тонки,
Мышцы мои слабы,
И презирают станки
Кривую моей судьбы;
Отроду — сорок лет,
Прожитых напролет,
Время настало — бред
Одолеваю вброд:
Против МЕНЯ — войска
Против МЕНЯ — штыки
Против МЕНЯ — тоска
(Руки мои тонки);
Против МЕНЯ — в зенит
Брошен радиоклич,
Серого зданья гранит
Входит со мною в клинч;
Можно меня смолоть
И с потрохами съесть
Хрупкую эту плоть
(Вес — 66);
Можно меня согнуть
(Отроду — 40 лет)
Можно обрушить муть
Митингов и газет;
Можно меня стереть —

Двинуть машиной всей,
Жизни отрезать треть
(Рост — 177).

— Ясен исход борьбы!..

— Время себя жалеть!..

(Мышцы мои слабы)

Можно обрушить плеть,

Можно затмить мне свет,

Остановить разбег!..

Можно и можно...

Нет.

Я ведь — не человек:

(Рост — 177)

Я твой окоп, Добро,

(Вес — 66)

Я — смотровая щель,

(Руки мои тонки)

Пушки твоей ядро,

(Мышцы мои слабы)

Камень в твоей праще.

СТИХИ О ВОДЕ

Она добра, она нежна,
Она не лжет, не изменяет,
Всех милует, всё извиняет —
Так сострадательна она.

Не учит и не пристаёт,
А попросту над нами плачет
И наши слезы, плача, прячет,
Смывать их не перестает.

Я так устал от правоты
Земли, и воздуха, и света,
Твердящих заклинанье это:
«Обязан ты, обязан ты!» . . .

Ну да, — их логика тверда,
И я ведь верил ей вначале . . .
Ах, унеси мои печали,
Уйми их, добрая вода!

Войди в меня, как в пряжу нить,
И дай войти в твое сиянье,
Чтоб слово милое «слиянье»
К его истокам возвратить.

Размой прямолинейность дней,
Пролепечи о дальнем лете . . .
Ты изо всех стихий на свете
Всего нужней, всего нежней.

СОТВОРЕНИЕ КУВШИНА

О, вечная мука гончарного круга,
Творца и творенья отчаянный бой!
Из праха, из глины, замешанной круто,
Рождается тело, познавшее боль.

Струится под пальцами потная глина,
Тоскует отброшенный лишний ломоть . . .
Как страшно рождаться! Нагая, без грима,
Вздывается ввысь бессловесная плоть.

Куда от тебя убежать, испытанье
Огнем и водою? . . Но кончится суд,
И будет звенеть благодарностью тайной
Измученный, злой, сотворенный сосуд.

Он заново создан и послан на землю,
В родной и опасный земной неуют;
Кто знает, какому он глянется зелью,
Какое вино в него люди нальют . . .

Но как бы и что бы судьба ни решала б —
Он Мастером вылеплен. И до конца
В задумчивом отзвуке, в теле шершавом
Пребудет рука и дыханье творца.

СТРЕЛЫ НА СНЕГУ

У скрещений заснеженных тропок,
Где путей и решений — до чёрта,
На высоких и светлых сугробах
Эти стрелы прочерчены четко.

Это голос прошедшего первым,
Это друга настойчивый почерк;
Я вверяюсь бамбуковым перьям,
Бескорыстным путям одиночек,

Тем отчаянным и неумелым,
Чьи походы — на долгие сроки . . .
Я вверяюсь нацеленным стрелам,
Чтоб ночами не сбиться с дороги,

Чтоб не выбиться, где столбовая . . .
В гору, в гору себя гоню,
За тобой торопясь, обновляя
Запорошенную лыжню . . .

МОРДОВИЯ, ОЗЕРНЫЙ

ЛИБЕРАЛАМ

Отменно мыты, гладко бриты
И незаношено белье,
О, либералы — сибариты,
Оплот мой, логово мое!

О, как мы были прямодушны,
Когда кипели, как боржом,
Когда, уткнувши рты в подушки,
Крамолой восхищали жен.

И, в меру биты, вдоволь сыты,
Мы так рвались в бескровный бой!
О, либералы — фавориты
Эпохи каждой и любой.

Вся жизнь — подножье громким фразам,
За них — на ринг, за них — на риск . . .
Но нам твердил советчик-разум,
Что есть Игарка и Норильск,

И мы, шипя, ползли под лавки,
Плюясь, гнусавили псалмы,
Дерьмо на розовой подкладке —
Герои, либералы, мы!

И вновь тоскуем по России
Пастеризованной тоской,
О, либералы — паразиты
На гноище беды людской.

ЧУЖИЕ ОГНИ

И нынче, так же, как вчера,
К чужим огням душа отчалила . . .
О, жизнь, зачем ты так добра,
Зачем ты так щедра отчаянно?

Мне этот жар — не по перу,
Я слаб. Ведь мне и то диковиной,
Что чьи-то слезы оботру
Рукой, бессилием окованной.

Мне б жить как все и быть как все,
Писать, что зло не так уж действенно,
Что на запретной полосе
Белеет снег легко и девственно,

Что сосны ближнего леска
Весной видней и недоступнее,
Что прошлое издалека
Приносит ветерки простудные.

Ах, мне бы, мне бы! Я бы смог
Отбиться от беды усмешкою,
Чужие вздохи — под замок
И с глаз долой . . . А я все мешкаю.

С кого спросить? С кем спорить мне?
Судьба ли, блажь ли — кто виновница?
Горю, горю в чужом огне —
И он моим огнем становится.

* * *

Когда спохватишься, что «плавно»
Того же корня, что и «плыть» —
Ненужная утихнет прыть
И станет солнечно и славно, —

Как будто впрямь, без суеты,
Покачиваемый волною,
Любовно ладя с глубиною,
Ты движешься. И медлишь ты.

Когда поймешь, что «плоть» и «плыть»
В родстве не по одним лишь звукам,
И что в сплетенье многоруком
Их не разъять, не разделить, —

Как будто впрямь твои мечты
Сметают то, что видит разум:
Приемля жизнь и гибель разом,
Ты движешься. И медлишь ты.

Когда постигнешь, что близки
Пловцам певцы не только рифмой, —
Тогда прильнут, задор смирив свой,
Слова к спокойствию реки;

И вот неспешных строф плоты
Подвластны мерному влечению,
И вместе с ними, по течению,
Ты движешься. И медлишь ты . . .

Я ненавижу
Прогнивший ворох
Пословиц старых
И поговорок
Про «плеть и обух»,
Про «лоб и стену», —
Я этой мудрости
Знаю цену.
Она рождает,
Я это знаю,
«Свою рубашку»
И «хату с краю»,
Она — основа
Молве безликой:
«Попал в говно, мол,
Так не чирикай!
Снаружи — зябко,
Снаружи — вьюжно . . .»
А всякой мрази
Того и нужно,
И мордой об стол
Всему итог:
«Куды поперли!?
Знай свой шесток! . . .»
Куда ни плюнешь —
Такие сценки,
А всё оттуда,
От «лба и стенки»,
От тех, кто трусит —
В «чужие сани»,
Тех, кто с часами,
Тех, кто с весами,

Тех, кто в сужденьях
Высоколобых
Вильнет цитаткой
Про «плеть и обух»,
А там — гляди-ка —
Развел руками
И пасть ощерил:
Ведь «жить с волками!»

Когда за глотку
Хватает кодро,
За поговорку
Цепляться подло,
Да лучше кровью
Вконец истечь,
Чем этой гнилью
Поганить речь . . .

СОЛНЦЕ

Прием давно испытанный:
Всем телом — на песок!
Замри и жадно впитывай
Животворящий сок.

Он все печали вылуцтит,
От страхов исцелит,
От маловерья вылечит,
Смеяться повелит.

И вот уже несешь его
В себе и над собой
В ликующее крошево,
В заждавшийся прибой.

В рассол зеленый, лодочный
Скользнет твоя рука —
И вспыхнет мокрой звездочкой
На ржавчине буйка.

И снова спится-дремлется
И волны сонно льнут,
И солнечная мельница
Дробит зерно минут.

Твой сон песочный, галечный
Какой-то Главный Врач
Всерьез отметит галочкой
Средь творческих удач.

И будет так-то радостно
Принять как дань и дар
Прикосновение августа —
Ласкающий загар.

Бессмысленное, бесполезное
Моление о слепоте . . .
Нас эти нежат, соболезуя,
И грубо скручивают те.

И всё дано принять и вынести,
Но частоколом на пути:
Куда от подлой совместимости
Несовместимого уйти?

Всё поняли, всё сосчитали мы —
Бесстрашье дней и страх ночей,
Но что нам делать с сочетаньями
Несочетаемых вещей?

Есть солнце — с огненными патлами,
С размахом пьяным — там, вовне,
И есть — безрадостными пайками
Прямоугольными — в окне.

Есть мир — с округлыми коленями,
И с шепотом, и с дрожью губ,
И тут же, рядом, в том же времени —
Следы овчарок на снегу.

Параши ржавой жесть вонючая —
И в реках тени облаков —
И зарешеченный, заключенный
Гул ненаписанных стихов . . .

Во всякой — в злой ли, в доброй — косности
Спокоен был бы пленный дух;
Позволь же мне не видеть, Господи,
Одно из двух.

I

Пустыне — свежести глоток,
На дыбе ломанному — врач,
Кровавой ссадине — платок:
— Не плачь . . .

Окну тоскующему — стук,
Небытию наркоза — жизнь,
Волной захлестнутому — круг:
— Держись! . .

Отогревающий очаг,
Состав, смывающий клеймо,
Свет в прозревающих очах —
Письмо.

ЧИТАЯ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Походному ветру в тон
Звучат надо мной слова:
— В пустыне ты знаешь то,
Что значат твои божества! . .

А было ли что-нибудь
Прекрасней моих божеств?
И вдвое короче путь,
И вражья броня — как жечь.

III

СНЫ

Родной, чудной кинематограф,
Ночной прокат знакомых лент.
Как просыпаться мне, потрогав
Живую плоть мелькнувших лет?

А может, спутаны все карты,
И, удручающе нелеп,
День, а не ночь, гоняет кадры,
Бездарные, как кислый хлеб?

И надо попросту проснуться,
Из тины выбраться — и вплавь,
Очнуться, вырваться, вернуться
В ночную явь . . .

Подари мне незнакомый город,
Чтобы стал я сильным и счастливым,
Подари мне город на рассвете,
Вымытый ночным коротким ливнем.

Обмани меня, что длится лето
И что нам не надо торопиться,
Покажи, как мягким светом льется,
Отражаясь в лужах, черепица.

Подари мне запах теплой хвои,
Старых стен иноязычный говор,
Улочки, мощеные камнями,
Бурых башен простодушный гоно́р.

Подари — чтоб он при нас проснулся,
Город за оконной занавеской,
Чтоб могли мы вместе любоваться
Статью горожанок деревенской.

Чтобы уши, и глаза, и ноздри
Утолили многолетний голод —
Подари мне город на рассвете,
Подари мне незнакомый город.

На свет, на газ и на признание — такса,
Диктует рифмы добродушный быт;
А было время — и поэт метался,
Наотмашь бил и был судьбою бит.

Всё позади. Теперь он мягко спит;
Есть капитал — минувшие мытарства;
Как жаль тех лет безумья и бунтарства,
Жаль нищеты, несчастий и обид.

Пристоен крик, сомнения бравурны,
На микропоре модные котурны,
Парадный меч сверкает, не рубя, —

Всё по привычке кажется стихами.
Таков пророк. Он куплен с потрохами —
Самим собой — у самого себя.

Ах, недостреляли, недобили!
Вот и злись теперь, и суетись,
Лезь в метро, гоняй автомобили,
У подъезда за полночь крутись.

Ах, недодержали, недожали,
Сдуру недовыдавили яд!
Дожили: заветные скрижали
Отщепенцы всякие чернят.

Чуть прижмешь — кричат:
— Суди открытым! . . .
Песенки горланят белым днем,
Письма пищут . . . Что ни говори там,
А при Нем . . .

Мы не ждали критики гитарной,
Загодя могли связать узлом:
Что не так — пожалуйста в товарный
Пайку выковыривать кайлом!

Это было времечко такое —
Кто там пел и кто протестовал,
От Владивостока до Джанкоя
Шел, гудел Большой Лесоповал!

А зато — и Родину любили,
Транспаранты в праздники несли!
Ах, недостреляли, недобили,
Недогнули, недоупекли . . .

Я устал огрызаться по-волчьи,
Кислотою въедаться в металл,
Я от ненависти, от желчи,
Я от челюстей сжатых устал.

Засмеяться, запеть хорошо бы,
Примиренно уснуть к десяти.
Только пошло из тягостной злобы
Мне от губ своих не отвести.

Я ночью и днюю с бедою,
Сушит глотку проклятый настой;
Кто нагнется с живою водою
Над убитой моей добротой?

Говорят, есть песчаная отмель,
Взрывы сосен и в море огни . . .
То, что молот бессмысленный отнял,
Отдадут мне, быть может, они?

Говорят, есть луга и ущелья,
И леса, и роса, и жнивье —
Может, в этом мое возвращенье,
Воскресенье, спасенье мое?

Может, так под овации лютен
Решено на Высоком Суде:
От людей! Чтобы заново — к людям.
От себя! Чтобы снова — к себе!

О, как безысходно поэту
В скользкой удавке загона,
Погоня, погоня по следу —
За горло клыками закона!

Задушен, застрелен, затравлен,
Замучен вопящей оравой . . .
. . . Но как безобидна расправа
В сравненьи с посмертною славой:

Когда неизбежность признанья
Угадывается палачами,
Они поднимают, как знамя,
Растоптанное поначалу.

И это совсем не сдуру,
Что нелюди и недомерки
Поют, поднабравшись, «Думу»
Повешенного на кронверке;

Засевши в свои ожидальни,
Где запахи крови и хлорки,
Скучающие жандармы
Мурлычут романсы Лорки;

Не правнуки, не потомки —
Дождавшись сановного знака,
Сегодняшние подонки
Цитируют Пастернака . . .

Такая расправа с поэтом,
Чтоб стало неведомо, чей он, —
И вот он стократ оклеветан
Уже за чертою мучений.

Он жизнью платил за почерк,
Но злоба не убывает:
Хвалами его порочат,
Убитого — убивают.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И я пришел. И севши у стола,
Проговорил заветное: «Я дома»;
И вдруг дыра оконного проема
В меня, как наваждение, вошла.

Беда вдовства, сиротства и тоски
Бок о бок села, руку мне пожала,
И копоть отпылавшего пожара
С измятых стен плеснула мне в зрачки.

Здесь шли бои. Здесь кровное мое
Держало фронт и раны бинтовало,
Здесь день за днем с усмешкой бедовало
И маялось окопное житье.

Здесь властвовал непрочности закон,
Он уцелел, он властен и поныне.
И воздух здесь, как водка на польни,
Глотай его, горяч и горек он.

И я пошел по битому стеклу
К тому углу, где в ключьях писем наших
Губной помады медный карандаш,
Как стреляная гильза на полу.

И голос твой пронесся и затих,
И прозвучал, и смолкнул шелест платья;
О, где мне взять горячие проклятья
И причитанья прадедов моих? . .

. . . Полы натерты. Весел цвет вина.
Промыты окна. Свеж букет осенний.
Для новых бед и новых потрясений
Готово все. Не кончена война.

ПРО НАШУ АРИФМЕТИКУ

Всё — как надо, всё — в порядке,
На судьбу не стоит злиться:
Счет находок — на десятки,
Счет потерь — на единицы.

Так оно и дальше будет —
Рассветает постепенно,
На чуток повыше люди,
На чуток пониже стены,

На щепоть добра поболе,
На крупицу больше чести;
Что же делать, что без боли
Нам бы не собраться вместе,

Что бедой полны разлуки,
А у выбранного в братья
Так нахолодели руки
Без тепла рукопожатья! . .

Ничего, вздохнем поглубже,
Жить живым — ведь это просто
Через камни, через лужи
Мерить годы, мерить версты,

Драться, плакать и браниться —
Только верить без оглядки:
Счет потерь — на единицы,
Счет находок — на десятки.

ПОСЛЕДНЕЕ

Этот год уйдет с пустой котомкой,
У ворот помашет мне рукой,
Пеленой возьметса, гладью тонкой
Надоевший, скучный непокой.

Будет жизнь всю великолепна,
Только вдруг, в какой-то странный миг,
Замолчу, оглохну и ослепну,
Отрещусь от спутников моих;

Солнце помраченное остынет,
Бред ворвется, вломится в окно,
Добрая беседа опостылет,
Напрочь разонравится вино;

Не с хандры пустой, не с перепоею
Загорюю о своей судьбе,
Нежное услышу: «Что с тобою?»
Вовсе не услышу: «Что в тебе?»

А во мне уже необратимо
Два железа ржавых с двух сторон,
Пыльная сухая паутина,
Черствый карк невидимых ворон,

Сны — ох, эти сны! — как будто насмех,
Слабый ветер, в горле горький ком,
В серый цемент вляпанная насмерть
Койка с полумертвым тюфяком,

И необычайный, непривычный,
Вспомненный, приманный, как блесна.
Желтый, жаркий, обручный, яичный,
Вольный, вольный, вольный цвет окна . . .

Часть II

А В ЭТО ВРЕМЯ . . .

(поэма)

Озерный, 1968

I

Тем, кто не сломлен лагерным стажем,
Рядом с которым наш — пустяки,
Нашим товарищам, нашим старшим —
Я посвящаю эти стихи.

Тем, кто упрямо выжил и вышел,
В ком еще горькая память жива,
Тем, кому снятся контуры вышек —
Я посвящаю эти слова.

Тем, кто читает дальше названья,
Тем, кому люди и в горе близки,
Тем, кто не трусит трудного знания, —
Я посвящаю эти листки.

Чьим-то простым, беззащитным и сильным
Главам еще не написанных книг,
Будущим пьесам, полотнам и фильмам
Я посвящаю мой черновик.

II

Тому уже три века,
Тому всего три дня,
Как Муза дальних странствий
Взревела под окном.
По кочкам и по строчкам
Поволокла меня
В неукротимом газике,
Бывалом «вороном».

Дорога, о, дорога!
Жестокая жара . . .
Дорога, о, дорога!
Железные морозы.
Ведут машину нашу
Слепые шофера,
Раздавливая скатами
Наивные вопросы.

Ни очага, ни света,
Ни птиц, ни тишины,
А только километры
Качающихся суток,
И наши судьбы пестрые
Силком сопряжены
В бегущих по дорогам
Решетчатых сосудах.

К далекой остановке
Протянута ладонь . . .
Подъемы и уклоны,
То кувыркком, то юзом . . .
А что же было раньше,
А что же было ДО
Со всеми нами — этим
Подведомственным грузом?

III

Нам не понять друг друга никогда.
Они не молят: «Господи, доколе?»
А лишь твердят: «Теперь-то ерунда . . .
А мы, браток, — мы видели такое . . .»

Здесь фраза отстоялась, как строка,
В ней каждый звук — нечаянной уликой,
Как будто простодушные века
Рисует некий Нестор многоликий.

Бредовая, чудовищная вязь,
Но смысл ее на диво прост и четок,
Он подтвержден свидетельствами язв,
Печатами безумий и чахоток;

Он подтвержден смиреньем стариков,
И ропотом, привычным и покорным,
И верой, что Покойный не таков,
Чтоб он на самом деле стал покойным.

В том этот смысл, что чья-то злая спесь
Живых людей, как дробь, сократила,
Что корчилась, хрустя костями, песнь
Под деловитым каблуком кретина.

А я не верю правде этих слов,
Мне не под силу откровенья эти,
И горький мой, незванный мой улов
Колеблет переполненные сети . . .

IV

Что такое «концлагерь»? На лике столетья горит,
Словно след пятерни, этот странный словесный
гибрид.

«Лагерь» — это известно: «... под Яссами лагерь
разбил,
Кукарекал с утра и лозу на фашины рубил . . .»

«Лагерь» — это знакомо: «... устроили лагерь в лесу,
Осушали росу, кипятили ручей на весу . . .»

Что же значит приставка, нарост неестественный —
«конец»,
От которого слово в предсмертной икоте летит под
откос,

А потом, обернувшись, храпя ненасытным нутром,
Вурдалаком встает, перевертнем встает, упырем?

Может быть, машинистка, печатающая Тайный Указ, —
Вместо «а» — букву «о», и читать это надобно
«канц»?

Канцелярских путей вожделенный веками итог.
Сущий рай, парадиз, где параграф всемогущ, как Бог,
Где «входящие» есть, «исходящие», — меньше, но
есть,
Где в обход циркуляра — ни пернуть, ни встать
и ни сесть.

Может быть, нерадивый напортил наборщик юнец,
Поспешил, пропустил? И читать это надо — «конец»?

Сотворенью — конец. Утоленью — конец. И всему,
Что тревожило тьму, что мерцало душе и уму.

Человеку — конец. Человечности — тоже хана.
Кроме миски баланды не будет уже ни хрена . . .

Так ли, нет ли — не знаю. Но этот ублюдочный слог
В каждом доме живет, он обыденным сделаться смог.

Ну, так что ж ты, Филолог? Давай, отвечай, говори,
С кем словечко прижил, как помог ему влезть
в словари?

И когда, наконец, ты ворвешься в привычный застой
И убьешь этот слог, зачеркнув его красной чертой?

V

Погорельцем с сумою — под окна,
Под зажиточные — моля:
— Дом сгорел, корова подохла,
Помогите, Господа для! . .

Забулдыгой — к чужому столику:
— Понимаешь, я на мели;
От щедрот своих малую толику —
Алкоголику — удели! . .

Нежеланным — к желанной, как к жаркому
Очагу — из промерзлой степи:
— Дай согреться! Ну что тебе — жалко?
Дай согреться. Дай. Уступи . . .

. . . Каждый день от рассветного часа
И до полночи — мучась и клянча:
— О, Поэзия! Мне — не Пегаса,
Мне сгодится рабочая кляча.

Попрошайкой-медведем из клетки,
Задыхаясь по-стариковски:
— Ты бы мне не обеды — объедки,
Ты бы мне не обновы — обноски,

Мне б не меч, а клюку, — подпираться . . .
Ты не брезгуй — все очень просто:
Без тебя мне вовек не добраться
До отчизны, чье имя — Проза.

Знаю, щедрости не достоин;
Ну, а ты — не любя и не тратясь, —
Через фортку — что тебе стоит?! —
В узелок мой — остатки трапез!

... Умоляя и угрожая,
Что ни день меняя обличье,
К нам взывает тоска чужая
Всею болью косноязычья ...

VI

А в это время, вечером воскресным,
Мой быт лукавый ублажал меня
Сухим вином и старомодным креслом,
И легким грузом прожитого дня.

Казалось, что пора глухонемая
Ушла навек и сгнула в былом —
Аминь, аминь! . . И чудо пониманья
На равных восседало за столом.

На стук любой распахивались двери,
И в них входил, конечно, только свой,
И нимбу умиленного доверья
Сиялось всласть у нас над головой.

И был прекрасен вечер законный,
И нежность к сердцу — теплою волной ...
... А в это время, издавна знакомый,
Шел по бараку шмон очередной.

Он рылся в стариковских корках кислых,
Он пачки сигаретные вскрывал,
Он, как в отбросах, в материнских письмах
Брезгливыми руками шурувал.

Он тряпки тряс и — мимо коек — на пол
(Молчи, зека, не суйся на рожон!),
Разглядывал он фото, словно лапал
Чужих невест, возлюбленных и жен . . .

. . . А что же раньше? Раньше было море,
Врачующее от житейских ран
И мы, толпою, как на богомолье,
Идущие к прибою по утрам;

И тяжесть волн, сработанных на совесть,
Ракушечника желтая пыльца,
И наших тел полет и невесомость,
И солнце, солнце, солнце без конца.

Существованья светлomu усилью
Без устали учил нас добрый зной,
Учило море любоваться синью,
И горы — непреложной крутизной.

(Друг, погоди! Пожалуйста, не думай,
Что я собой заполнил этот стих,
Себя припомнив, развлекаюсь суммой
Своих страстей и радостей своих.

Я — это ты. Не больше и не меньше.
И я, и ты — мы от одних начал.
И я, как ты, постыдно онемевши,
За годом год молчал, молчал, молчал;

Я — это ты. Не лучше и не плоше.
И я, как ты, любил, работал, пил,
И я, как ты, ослепши и оглохши,
Добро удач за годом год копил;

Стихи читали, на цветах гадали,
«Ах, было что-то — поросло быльем! . . .»)
. . . А в это время где-то в Магадане
Происходил обыкновенный «съем».

Дошедшие до ручки и до точки,
Приемля жизнь со смертью пополам,
Под «Хороши весной в саду цветочки»
Бредут зека, осилившие план.

Гнусит гитара, взвизгивает скрипка,
Брезентовый бормочет барабан!
О Господи, страшна Твоя улыбка
И непонятна пасмурным рабам.

Нет Бога — над, и нет земли под ними,
И кто-то от тоски — не сторяча
Вдруг скажет: «Ну, прощайте», — лом поднимет
И грохнет рядового палача.

А может быть, конец и так уж близок:
Известняковый не добил карьер —
Но высочайше утвержденный список
Уже везет умученный курьер;

И землекопов мерные движенья
Увенчивают будничный расстрел . . .
. . . А в этот миг на чудо обнаженья
Светло и потрясенно я смотрел.

Доверчиво, без хитростей, без тыла
(Будь так же чист и так же нежен будь!)
Плывут ко мне безгрешно и бесстыдно
Струящиеся руки, плечи, грудь,

И тонкое колено открывая,
Как кожа снимается чулок . . .
. . . А в это время песня хоровая
Летит от нар в дощатый потолок;

А в это время кто-то спорит с кем-то,
Постичь пытаясь общего врага;
Как на картинах Рокуэлла Кента
Блестят в глаза белейшие снега;

Под ними — пот, не растопивший грунта,
Под ними — кровь, не давшая ростка,
Под ними, захороненная грубо,
Лежит неисчислимая тоска . . .

. . . А в это время в залах Исторички
Река науки благостно текла . . .

. . . А в это время были истерички
И резались осколками стекла . . .

. . . А в это время тени шли по сходням
В Колымском трижды проклятом порту . . .

. . . А в это время мы по ценам сходным
Сбывали ум, талант и красоту . . .

А может, хватит дергать нервы наши?
Ведь мы и знать, наверно, не должны,
Что женщины за миску постной каши
С себя снимали ватные штаны.

А может, впрямь пора щадить друг друга
И эту память вывести в расход:
Про «ласточку», «парашу», «пятый угол»,
Про «бур» и «без последнего развод»?

Пора забыть. А иначе — едва ли
Так проживем отпущенные дни,
Чтоб никогда о нас не горевали,
Не называли траурно — «они» . . .

VII

Кто это? Люди или окурки
С горьким и слипшимся табаком?
Черные брюки, черные куртки,
Черные шапки с козырьком.

Неиссякаемая вереница
Из века в век, от ворот до ворот;
Черной усталостью мочены лица —
Бывшие люди, бывший народ.

Сколько их били-учили метели
Руки и летом совать в рукава?
Медленно движутся черные тени,
Чудятся медленные слова:

— Вы — отщепенцы, отбросы, отсевы,
В кучу собрал вас мудрый закон;
От состраданья отсечены все вы
Буквой и цифрой, штыком и замком.

Вы опечатаны «словом и делом»,
Каждый рассвет — не исток, а итог,
Ваших желаний да будет пределом
Сала полоска да чаю глоток.

Сдайтесь. Продумано это умело.
Так или иначе, всем вам конец:
Осуществляется высшая мера —
Мир и спокойствие ваших сердец . . .

VIII

Литераторы в новых костюмах,
Свежекупленных из аванса,
Вам не спрятать морщинок угрюмых,
Никуда от себя не деваться.

Не умеют молчать ваши лица,
Как молчат иногда ваши строки;
Литься лютой беде — не излиться,
Не отбыты еще ваши сроки.

Ты нахохлился, брови насупил,
Щелкнул мастер, позицию выбрав, —
И лицо твое пало на супер,
Как тревожный и властный эпитаф.

На страницах — полет и дерзанье,
На страницах — пурга и цветенье,
Ну, а здесь — притворились глазами
Два страданья, две ямы, две тени.

Это знак, что уплачена плата
За познание, что Данту не снилось.
Помнят плечи дырявость бушлата,
Помнят ноздри баландную гнилость,

Помнят уши барачные скверны,
Сердце — жизнью пропавших осколки . . .
Откровенны и достоверны
Лица, вынесенные за скобки,

Лица, заочневшие в думах,
Лица, ждущие все же чего-то.
. . . Литераторы в новых костюмах,
Необмятых, надетых для фото.

IX

Я не могу угадать наперед,
Распорядиться собой:
Грустной ли дудкой буду я
Или вопящей трубой.

Мне бы с устатку — рюмку вина,
Тихий бы разговор,
Крест на минувшем, пламя в печи
Да изнутри затвор.

Только ведь это совсем не легко —
Вовремя зубы сжать,
Гнев и обиду презреньем гасить,
Ненависти бежать.

Вряд ли смогу я с собой совладать,
Горячий сглотнуть комок;
Сердце одним лишь друзьям открыть ---
Кто бы из наших смог?

Мы не посмеем теперь солгать
Тетрадочному листу,
Розовым цветом скруглять углы
Больше не вмоготу.

Нам — не идиллия, не пастораль,
Не бессловесный гимн —
Обречены мы запомнить всё
И рассказать другим.

Озерный, Мордовия,
п/я ЖХ 385/17-а
1968 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 7. Стихи этого цикла были написаны в следственной тюрьме КГБ в Москве, где Ю. Даниэль находился около полугода со времени ареста — 12.9.65 — и до отправки в лагеря.

По др. источникам к этому же циклу относятся следующие три стихотворения Даниэля:

* * *

Околеваю от тоски:
Одолеваю я «Бруски».
2.11.65

(«Бруски» — длинный роман советского писателя Ф. Панфёрова, очевидно, имевшийся в тюремной библиотеке. — Прим. ред.)

СОРОКАЛЕТИЕ

Как славно знать, что был ты несерьезен,
Что ты плевал на важные дела
И что беспечность, как смола из сосен
Свободно и естественно текла.

Пусть рот кривят солидные мужчины
С высот сорокалетия своего.
Как славно знать, что не было причины
И что тебя кружило озорство.

О тени предков, преданных идеям,
Сюжетцы для возвышенных стихов!
Куда как лучше стать себе злодеем
За просто так, во имя пустяков.

Брести без брода и ваять из снега,
Уйти в бега, влюбиться на пари . . .

Мальчишество мое, мой *alter ego*,
Со мной всегда на равных говори.

Никто не властен над своей планидой,
Но можно ей подножку дать, шаля . . .
Эй, наверху! За простоту не выдай!
Не расступайся, мать сыра земля.

12.11.65

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К словесности влечение
Нуждается в лечении —
Ведь все без исключения
Тлетворны увлечения.

Умозаключение:
«Тела заключение!»

5.2.66

К стихотв. стр. 7. По др. ист. — датировано 13 или 19.10.65.

К стр. 8. По др. ист. — датировано 13 или 19.10.65.

К стр. 9. По др. ист. — датировано 9.11.65.

К стр. 11. По др. ист. — датировано 6.10 или 6.11.65.

«Орава режущих и колющих предметов...» —
Такого рода предметы по инструкции запрещено
держат в камере.

К стр. 13. По др. ист. — датировано 6.11. или 6.12.65.

К стр. 15. По др. ист. — датировано 5.12.65.

На эту «Песню» написана музыка, и она исполняется под гитару в советской «самэстраде».

К стр. 17. По др. ист. — датировано 30.12.65.

К стр. 18. По др. ист. — датировано 12.12.65.

Разночт. 3-ей строфы:

Не смеялся, не плакал,
Дни за днями губя,
И не ставил я на кон
Ни других, ни себя.

Разночт. начала 5-ой строфы:

С красотой не венчался
И друзей не имел,

К стр. 19. По др. ист. — датировано 31.12.65.

К стр. 20. По др. ист. — датировано 5.1.66.

Разночт. предпоследней строки:

«Когда герои за плечами»

К стр. 21. По др. ист. — датировано 10.1.66.

К стр. 22. По др. ист. — датировано 13.1.66.

К стр. 23. По др. ист. — датировано 16.1.66.

К стр. 25. По др. ист. — датировано 26.1.66.

«...из строя вышли трое» — говорят, что стихотворение посвящено свидетелям на процессе Синявского и Даниэля — Хмельницкому, Ремезову, Хазанову.

К стр. 26. По др. ист. — датировано 29.1.66.

На этот романс написана музыка, и он исполняется под гитару в советской самэстраде.

К стр. 27. По др. ист. — датировано 17.2.66.

К стр. 28. По др. ист. — датировано 22.2.66.

К стр. 29. Вскоре после известного приговора суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем, проходившего с 10 по 14.2.66, Даниэль был отправлен в мордовские лагеря — сначала в Явас, а потом в Озерный — где находился около трех с половиной лет — до 7.7.69. Стихи этого и следующего циклов относятся к этому периоду.

К стихотв. стр. 29. По др. ист. — помечено мартом 1966.

К стр. 43. По-видимому, в Явасе автор некоторое время работал на гончарном производстве.

К стр. 60.

«Лезь в метро, гоняй автомобили,
У подъезда полночь крутись».

Имеется в виду интенсивная агентурная слежка за инакомыслящими.

К стр. 62.

«Поют, поднабравшись, 'Думу'
Повешенного на кронверке;»

— т.е. «Думу» повешенного декабриста Рылеева.

К стр. 65. Новый суд (9.7.69) над Ю. Даниэлем и В. Ронкиным приговорил обоих к пребыванию до конца срока во Владимирской тюрьме (два стихотворения этого цикла написаны там), где Даниэль пробыл год и два месяца вплоть до освобождения 12.9.70, после чего поселился в Калуге.

К стр. 73.

«... под Яссами лагерь разбил,
Кукарекал с утра и лозу на фашины рубил...»

Это — Суворов перед взятием Измаила.

К стр. 78.

«Происходил обыкновенный 'съём'».

«Съём» — конец смены, когда рабсилу «снимают» с работ.

К стр. 80.

«Про 'ласточку', 'парашу', 'пятый угол',
Про 'бур' и 'без последнего развод'?»

«Ласточка» — подтягивание за скрученные за спиной руки.

«Параша» — сосуд для нечистот в помещении, где находятся заключенные.

«Пятый угол» — несколько человек избивают одного, посылая его ударами от одного к другому, заставляют его «искать пятый угол».

«Бур» — барак усиленного режима.

«Развод без последнего» — приказ начальства выходить на «развод» (построение, с которого разводят на работы) в сверхспешном порядке, чтоб «не было последнего».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. СТИХИ

ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ

	Стр.
«Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю...»	7
Стихи с эпиграфом	8
Песенка	9
Дом	11
Друзьям	13
Песня	15
Молитва	17
Еще одна песенка	18
Новогодний марш-декларация	19
«А вдруг вот так приходит зрелость...»	20
1965 год	21
«Дожди, дожди коснулись щек...»	22
На ринге	23
И еще о друзьях	25
Романс о родине	26
Про эти стихи	27
Февраль	28

МОРДОВИЯ, ЯВАС

Приговор	29
Часовой	31
«А нужно ль былого чураться...»	35

«Уже на небе гремит посуда...»	37
У вахты	38
На библейские темы	40
Стихи о воде	42
Сотворение кувшина	43
Стрелы на снегу	44

МОРДОВИЯ, ОЗЕРНЫЙ

Либералам	45
Чужие огни	46
«Когда спохватишься, что плавно...»	47
«Я ненавижу...»	49
Солнце	51
«Бессмысленное, бесполезное...»	53
I. «Пустыне — свежести глоток...»	55
II. Читая Сент-Экзюпери	56
III. Сны	57
«Подари мне незнакомый город...»	58
«На свет, на газ и на признание — такса...»	59
«Ах, недостреляли, недобили...»	60
«Я устал огрызаться по-волчьи...»	61
«О, как безвыходно поэту...»	62
Возвращение	63

ВЛАДИМИР

Про нашу арифметику	65
Последнее	67
Часть II. А В ЭТО ВРЕМЯ (поэма)	69
ПРИМЕЧАНИЯ	85